

На правах рукописи

ОСТАПЕНКО ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

**ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Специальность: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран
(германские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Пятигорск – 2025

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

- Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Ширяева Татьяна Александровна
- Официальные оппоненты: ***Дзюба Елена Вячеславовна***
доктор филологических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», Гуманитарный институт, профессор Высшей школы международных отношений
- Катермина Вероника Викторовна***
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», факультет романо-германской филологии, профессор кафедры английской филологии
- Ведущая организация: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Защита состоится «26» декабря 2025 года в 13.00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.363.02 в ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» по адресу: 357532, г. Пятигорск, проспект Калинина, д. 9, конференц-зал №1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»:
<https://pgu.ru/science/diss/?ID=1111219>

Автореферат разослан «___» октября 2025 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Т.Б. Заграевская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее диссертационное исследование посвящено выявлению и анализу лингвистических особенностей репрезентации гендерной идентичности мужчинами- и женщинами-юристами в рамках англоязычной профессиональной коммуникации.

Современное общество переживает период активного переосмысления роли гендера в ключевых сферах жизнедеятельности, включая такие важные области, как профессиональные дискурсивные практики. Особый научный интерес в этой связи представляет институциональный юридический дискурс, где достаточно строгие конвенциональные нормы речевого взаимодействия пересекаются с социокультурными стереотипами гендерной идентичности.

Не вызывает сомнений, что англоязычный юридический дискурс представляет собой уникальное поле для исследования, поскольку, с одной стороны, он регламентирован строгими институциональными нормами и традициями, а с другой - остается подверженным влиянию гендерных стереотипов, укорененных в общественном сознании. Более того, обращение к англоязычному юридическому дискурсу продиктовано острой потребностью в изучении правовой коммуникации как одного из фундаментальных элементов современного социума, поскольку юридический дискурс сегодня вышел далеко за рамки только профессиональной правовой сферы.

Необходимость специального изучения гендерных лингвистических особенностей англоязычного юридического дискурса как специализированной формы профессиональной коммуникации обусловлена рядом взаимосвязанных факторов. Во-первых, юридический дискурс представляет собой институционально закреплённую систему вербальных практик, регулирующих социальные взаимоотношения между представителями обоих полов. Во-вторых, он обладает специфическими лингвистическими характеристиками, отражающими как формально-правовые, так и социокультурные аспекты правовой действительности. В-третьих, в условиях глобализации правовых систем лингвистический анализ гендерных аспектов англоязычной юридической коммуникации приобретает особую значимость для межкультурной профессиональной интеракции в международной юридической практике.

Таким образом, **актуальность** проводимого исследования продиктована как всеми перечисленными факторами, так и тем обстоятельством, что несмотря на декларируемое в социуме равенство по половому признаку, гендерные различия продолжают влиять на восприятие профессиональной компетентности юристов, создавая не всегда равные условия в судебных процессах. Более того, юридический дискурс как инструмент социальной регуляции играет ключевую роль в

формировании и закреплении гендерных норм, требующих тщательного лингвистического анализа.

Объектом данного исследования выступает англоязычный юридический дискурс, рассматриваемый нами как специализированный тип институционального общения юристов в рамках профессионально-ориентированной коммуникации.

Предметом исследования является специфика использования языковых средств мужчинами- и женщинами-юристами, обуславливаемая репрезентируемой гендерной идентичностью в рамках профессиональной юридической коммуникации.

В качестве **материала исследования** выступают 82 письменных стенограммы устных слушаний, проведенных в Верховном суде Соединенных Штатов Америки и Верховном суде Австралии за период 2012-2024 гг.

Сбор эмпирических данных для исследования был организован по методу сплошной выборки по тематическому принципу и охватывает широкий спектр правовых отраслей для обеспечения репрезентативности выборки. В их число вошли: конституционное, административное, гражданское (включая процесс), уголовное (включая процесс), апелляционное, иммиграционное, имущественное, семейное право, а также право банкротств, деликтное и международное право. В качестве ключевых критериев для отбора текстов исследования выступили их тематическая принадлежность к заданной правовой области и прагматическая направленность, под которой понимается коммуникативная цель и практическое предназначение документа.

Анализ и интерпретация полученных данных проводились с применением комплексного методологического подхода. Для обработки информации были задействованы как количественные методы, позволившие выявить статистические закономерности и частотность тех или иных явлений, так и качественные интерпретационные методы, направленные на глубинное понимание смысла, контекста и специфики использования языковых средств в англоязычных юридических текстах.

Целью диссертационной работы является выявление и анализ лингвистических средств, репрезентирующих гендерные особенности в англоязычном юридическом дискурсе, а также исследование их влияния на восприятие участников коммуникации.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что в англоязычном юридическом дискурсе гендерная идентичность реализуется через систему языковых маркеров, проявляющихся на лексическом, синтаксическом и риторическом уровнях, что способствует формированию и закреплению социальных стереотипов о гендере.

Поставленная цель и выдвинутая гипотеза обусловили решение в работе следующих исследовательских **задач**:

- проанализировать и систематизировать современные концепции и методологические подходы к изучению гендера в отечественной и зарубежной лингвистике, с целью определения их роли и эффективности в контексте анализа языковых маркеров гендерной идентичности в англоязычном юридическом дискурсе;

- описать существующие подходы к определению юридического дискурса в лингвистике и исследовать его как институциональный тип дискурса, выделив его структурные и функциональные системообразующие характеристики, чтобы определить его роль и специфику в формировании юридической коммуникации;

- сравнить лексические особенности речи юристов мужского и женского пола на материале англоязычных транскриптов судебных слушаний с целью выявления гендерных различий в использовании терминологии, формулировках и оценочных средств;

- выявить синтаксические конструкции, характерные для речи юристов обоих полов, проанализировав вариативность в структуре высказываний;

- определить, как гендерная идентичность влияет на выбор риторических приемов убеждения в профессиональной юридической среде, анализируя использование определённых стилистических и аргументационных стратегий у юристов разных полов для обоснования и формирования англоязычного юридического дискурса.

Для реализации поставленных задач в работе применялся комплексный исследовательский **подход**, включая метод сплошной выборки для сбора и анализа фактического материала, позволяющий выявить микро- и макроконтексты манифестации гендерных маркеров, дискурсивный анализ, используемый для идентификации стратегий гендерной репрезентации, контекстуальный анализ условий актуализации гендерных маркеров, способствующий пониманию их функционирования в рамках конкретных профессиональных ситуаций; семантический анализ лексических единиц, несущих гендерную маркировку, для определения их роли в создании гендерных образов и идентичностей, а также квантитативный анализ для выявления статистических закономерностей и частотных характеристик гендерно-маркированных языковых явлений.

Теоретической основой диссертационного исследования послужили фундаментальные идеи и концепции отечественных и зарубежных ученых в области: *теории текста и дискурса* [Карасик, 2000; 2004; Чудинов, 2006; Ширяева, 2006; Fairclough, 2000; Van Dijk, 1998], в том числе *юридического дискурса* [Баламакова, 2010; Борисова, 2016; Голованова, 2013; Губаева, 2004; Карасик, 2002; Ковкель, 2017; Кожемякин, 2011; Колесникова, 2007; Крапивкина, 2011; Крапивкина, 2014; Кубиц, 2005; Палашевская, 2010, 2012; Попова, 2005; Ускова, 2008; Федулова, 2017; Фуко, 1996; Хомутова, Шефер, 2019;

Gibbons, 2003; Goodrich, 1987; Wodak, 2000], *междисциплинарных гендерных исследований* [Здравомыслова, Темкина, 1998; Хасбулатова, 2001; Хоткина, 2000; Vem, 1974; Connell, 2002; Lorber, 1994], *гендерной лингвистики* [Букина, 2013; Бредихин и др., 2020; Воронина, 2001; Горошко, 1996, 2008; Гриценко, 2005; Дежина, 2017; Кирилина, 2000, 2000; Колесникова, 2007; Лату, 2017; Литвишко, 2024; Меренков, 2001; Товкес, 2023; Ширяева, 2023; Fairclough, Wodak, 1997; Van Dijk, 2003, 2005], *когнитивной лингвистики* [Голубева, 2010; Иссерс, 2009; Красных, 2002; Кубрякова 1997; Ширяева, 2018; Tiersma, 1999].

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В современной англоязычной юридической коммуникации гендер как социально-дискурсивный конструкт выступает не просто индивидуальной характеристикой, а посредством языковых средств и институциональных норм моделируется и воспроизводится в рамках профессиональной коммуникации, что подтверждает его социально-дискурсивную природу и актуальность для глубокого понимания современного юридического пространства.

2. Англоязычный юридический дискурс характеризуется гендерными различиями, проявляющимися на всех уровнях языковой системы через использование определенных языковых средств, таких как конкретные лексические, синтаксические, стилистические и риторические приемы, которые служат гендерными маркерами говорящих и формируют особенности интерпретации дискурсивных актов.

3. Гендерная вариативность лексической организации англоязычного юридического дискурса проявляется следующим образом: мужчины-юристы в профессиональной коммуникации предпочитают использовать средства, отражающие прагматичную и результативно-ориентированную позицию: они выбирают глаголы, связанные с осуществлением контроля и доминированием, а также прилагательные и наречия, подчеркивающие категоричность и определённую высказываний, что укрепляет их статус и авторитет в судебной речи. В то время как женщины-юристы опираются на процессуально-нормативную корректность, используя глаголы, связанные с судебными-процедурными аспектами, и прилагательные с наречиями, акцентирующими внимание на точном соблюдении процессуальных требований и беспристрастности, что способствует формированию речи, отличающейся большей эмоциональной нейтральностью и доступностью, отражая стремление к аккуратности и ответственности в юридическом дискурсе.

4. Гендерные различия в синтаксической организации речи юристов сводятся к следующему: мужчины-юристы склонны к применению длинных и сложноподчинённых предложений, а однородные члены используются ими преимущественно для градации и

усиления аргументов, что отражает стремление к созданию логически последовательной и авторитетной аргументации с минимизацией эмоциональной окраски и поддержанием формального стиля изложения, характерного для юридического дискурса. В то время как женщины-юристы предпочитают использовать более короткие и простые предложения, а также однородные члены для конкретизации информации, что повышает ясность и доступность изложения. В женской юридической речи чаще встречаются субъективные дискурсивные маркеры и обособленные обороты, выражающие личную оценку и эмоциональную окраску, что свидетельствует о стремлении сохранять процессуальную точность и коммуникативную вовлечённость слушателя.

5. Гендерные отличия в риторической организации англоязычного юридического дискурса проявляются в следующих особенностях: мужчины-юристы склонны применять риторические вопросы для усиления убедительности аргументации, создания эффекта логической замкнутости и психологического давления на оппонентов, что способствует укреплению их авторитета в судебной коммуникации. В то время как женщины-юристы используют риторические средства, выражающие сомнение и критику абсурдности судебных требований, демонстрируя прагматический подход, нацеленный на выявление возможных противоречий и построение альтернативных позиций.

Научная новизна диссертационной работы заключается в следующем:

- впервые в рамках англоязычного юридического дискурса выявлены и систематизированы различия в использовании общеупотребительной лексики и специализированной юридической терминологии мужчинами и женщинами-юристами, что позволяет выделить лексические маркеры проявления гендерной идентичности в рамках англоязычной профессиональной юридической коммуникации.

- проведен комплексный анализ синтаксических конструкций, характерных для мужчин- и женщин-юристов в рамках англоязычного юридического дискурса, выявлена вариативность в использовании инверсий и других синтаксических средств, что отражает особенности гендерно-обусловленной языковой практики в англоязычной юридической коммуникации.

- впервые систематически исследуются особенности использования синтаксических конструкций, которые не просто усиливают авторитарность и убедительность англоязычных юридических речей, но также демонстрируют определенную связь с гендерными характеристиками говорящего, уточняя таким образом механизмы гендерной дифференциации в стратегиях авторитарности, используемых в англоязычном юридическом дискурсе.

- определена взаимосвязь между синтаксическими характеристиками высказывания и гендерно-маркированными стратегиями репрезентации правовой позиции в англоязычной юридической коммуникации: мужчины-юристы демонстрируют стремление к последовательности и логической строгости, женщины-юристы - к точности изложения и коммуникативной доступности.

- выявлены и описаны специфические особенности риторической организации англоязычного юридического дискурса, обусловленные гендерными стереотипами. Обнаружено, что мужчины и женщины-юристы используют риторические средства, такие как риторические вопросы, метафоры и другие выразительные приемы, в различных стратегиях убеждения и воздействия на аудиторию, что подчеркивает наличие гендерных особенностей в структуре и коммуникативных тактиках профессионального юридического дискурса на английском языке.

Теоретическая значимость исследования обусловлена его вкладом в развитие лингвистической теории, обеспечивая дальнейшую концептуализацию взаимосвязи языка, гендера и права, а также в приращении знания о том, как юридический дискурс участвует в конструировании гендерных категорий через языковые практики. Исследование расширяет понимание функционирования гендера как сложного социального, культурного и лингвистического феномена. Результаты о выявленных гендерных различиях в использовании лексики, синтаксиса и риторики, полученные в ходе работы, существенно дополняют исследования о вариативности языка в зависимости от социальных и профессиональных факторов. Выводы исследования способствуют более глубокому пониманию механизмов профессиональной юридической коммуникации на английском языке, а также гендерно-обусловленных особенностей выбора лексических и синтаксических единиц юристами-мужчинами и юристами-женщинами в рамках соответствующей коммуникативно-дискурсивной практики.

Практическая значимость проведённого исследования обусловлена тем, что его результаты могут послужить основой для дальнейшего анализа институционального, профессионального и юридического дискурсов в рамках сравнительных и междисциплинарных научных работ. Выводы и собранный материал могут быть ценным ресурсом в образовательных целях при разработке и модернизации учебных программ и модулей в области юрислингвистики, юридической риторики и межкультурного правового общения, ориентированных на подготовку студентов юридических специальностей. Полученные результаты могут оказаться полезны в развитии терминоведения, теории и практики юридического перевода, а также могут выступить основой для дальнейших изысканий в таких лингвистических дисциплинах, как когнитивная лингвистика,

лингвокультурология, социалингвистика, психоллингвистика, семиотика, семантика, теоретическая грамматика и стилистика. Анализ лингвистических средств передачи гендерной идентичности юристов может найти применение в рамках повышения эффективности практических занятий по английскому языку юридического профиля, а также консультирования учащихся при выполнении научных работ различных уровней.

Апробация работы. Основные теоретические и практические выводы проведенного исследования, получили апробацию в серии докладов на конференциях различных уровней: II Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории языка и современные технологии лингводидактики» (Махачкала, 2024 г.), Всероссийской конференции с международным участием «Университетские чтения–2024» (Пятигорск, 2024 г.), VI и VII Всероссийской научно-практической конференции «Современная наука: взгляд молодежи» (Пятигорск, 2024, 2025 гг.), Международной научно-практической конференции «Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований» (Краснодар, 2025 г.). Наиболее значимые выводы исследования опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации: Когнитивные исследования языка (Тамбов, 2023г., 2024 г.), Казанская наука (Казань, 2024 г., 2025 г.). Результаты работы по теме диссертации представлены в 11 работах, из которых 4 статьи опубликованы в научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации результатов диссертационных исследований на соискание ученых степеней доктора наук и кандидата наук.

Полученные в процессе исследования результаты внедрены в учебный процесс в ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет».

Структура диссертации отражает логику данного исследования и определяется поставленными целями и задачами. Работа состоит из *Введения*, трех глав, *Заключения*, *Списка литературы* из 236 источников, из которых 44 – на иностранном языке, *Приложения*.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В **первой главе** «Теоретические и методологические предпосылки исследования гендера в лингвистике» особое внимание уделено систематизации ключевых научных концепций, а также ретроспективному анализу становления гендерных исследований в различных гуманитарных науках, включая лингвистику. Основной причиной обращения к данной теме выступает возрастающая роль гендерного фактора в социальных коммуникациях и необходимость

лингвистического осмысления процессов конструирования гендерной идентичности через призму языка. В проведенном исследовании подчеркивается необходимость изучения гендера в рамках междисциплинарного подхода, где язык выступает не только как носитель социально-культурных ценностей, но и как действенный инструмент конструирования гендерной идентичности.

К анализу теоретических основ исследования гендера, нужно отметить, что понятие гендера формировалось как реакция на ограниченность биологических подходов, ранее доминировавших в исследованиях различий между мужчинами и женщинами. В этом контексте важно отметить роль социокультурного фактора, обуславливающего во многом новое понимание данных различий. Исторические корни гендерных представлений берут начало в античной культуре, где патриархальная парадигма доминирования мужчин и подчинения женщин представляла собой не только отражение социальных, экономических и культурных структур, но и закреплялась через мифологию и философские учения.

Для развития современных гендерных исследований важным этапом стало осознание различия между биологическим полом и социальным гендером. И если первоначально исследования различий между мужчинами и женщинами фокусировались на биологии («психология пола»), то со временем они сместились в сторону «психологии половых различий» и, наконец, к «различиям, связанным с полом». Необходимость преодоления биологического детерминизма и негативных коннотаций прилагательного «половой» привела к заимствованию из лингвистики и адаптации термина «гендер» [Money, 1955, Stoller, 1968], значительную роль в популяризации которого сыграла вторая волна феминизма, поставившая вопрос о социальном, а не биологическом обосновании различий между мужчинами и женщинами [Полевая, 2014].

На сегодняшний день исследование феномена гендера в лингвистике осуществляется через призму различных научных дисциплин, среди которых особое место по праву занимают психолингвистика, социолингвистика, дискурс анализ и другие. Не смотря на различия в подходах к исследованию гендера, специалисты единогласно подчеркивают его социальный характер [Бовуар, 1997; Воронина, 2001; Воронова, 2015; Гриценко, 2005; Здравомыслова, Темкина, 1998; Ильин, 2010; Кирилина, 2000; Прудникова, 2013; Рябов, 2001; Скотт, 2000; Теребилина, 2014; Ширяева, 2023; Connell, 2005; Lorber, 1994]. Мы, вслед за исследователями, под гендером понимаем социальный конструкт, формируемый культурными нормами, ожиданиями и практиками, и проявляющийся в различных формах в конкретных культурах и обществах.

В рамках изучения феномена гендера ученые подчеркивают важность анализа гендерных стереотипов, детерминирующих как модели поведения индивидов в зависимости от их гендерной принадлежности, так и особенности их восприятия социумом. С точки зрения лингвистики, гендерные стереотипы обладают рядом определяющих черт: они отличаются устойчивостью, предвзятостью, эмоционально-оценочной природой, консенсусным характером и оказывают значительное влияние на жизнь людей, ограничивающее их возможности [Ashmore, Del Boca, 1986; Меренков, 2001; Рябова, 2001; Клецина, 2004; Букина, 2013]. Следует подчеркнуть, что именно закрепившиеся в когнитивном восприятии гендерные стереотипы формируют заведомо предвзятое представление о способностях и возможностях индивидов в зависимости от их пола. Таким образом, когнитивные механизмы, обеспечивающие устойчивость данных стереотипов, играют одну из важнейших ролей в их распространении и воспроизведении в языковых культурных моделях.

Развитие гендерных исследований в лингвистике связано с пониманием того, что язык не выступает нейтральным средством коммуникации, а активно отражает и конструирует социальные реалии, включая гендерные роли. История развития данных исследований представляет собой сложный и многоплановый процесс, продолжающийся на протяжении десятилетий и включающий взаимодействие различных гуманитарных наук. Зарождение интереса к взаимосвязи языка и гендера приходится на начало XX века и находит отражение в трудах Ф. Маунгера, Э. Сепира, О. Есперсена. Однако как системное направление гендерная лингвистика сложилась лишь во второй половине XX века, в частности, под влиянием работ Д. Таннен о различиях в коммуникации и, что особенно важно, поворотного постструктуралистского подхода Дж. Батлер, К. Гиллигана и Л. Иригарэ к гендеру как перформативу [Зиновьева, 2014; Дежина, 2017].

Примечательным является становление отечественной гендерной лингвистики, где вопрос точных дат начала систематических исследований гендера остается дискуссионным. Тем не менее, большинство исследователей выделяют три этапа развития гендерной лингвистики в России: этап заимствования (1980-е – первая половина 1990-х), ассимиляции и адаптации (вторая половина 1990-х – начало 2000-х) и становления самостоятельных теоретических школ (с 2000-х гг.) [Кирилина, 2001; Кирова, 2009; Дежина, 2017; Логинова, 2021].

Гендерные исследования в лингвистике продолжают активно развиваться, и внимание ученых всё чаще сосредоточивается на взаимосвязях гендера с другими социальными категориями, такими как *раса и религия* [Дунышева, 2012; Виноградова, Леонтьева, 2014; Шибаршина, 2015; Лютаева, 2021; Бурмистрова, 2020], *социальный класс* [Гаранович, 2011; Грек, 2012; Малимонов и др., 2023; Папков,

2024], а также *психологические особенности* [Арефкина, Карасёва, 2022; Лигай, 2022], *пол и возраст* [Назарова, 2009; Урусова, 2017; Балашова и др., 2018; Шитякова, Жумабаева, 2018; Штылева, 2018], что, в свою очередь, показывает, что гендер не изолирован, а интегрирован в более широкие социальные структуры и отношения. Современные учёные особо выделяют значимость учёта контекста и исторической специфики при изучении языка и гендера, что способствует более глубокому пониманию сложных процессов взаимодействия между языком, властью и идентичностью.

Современные изыскания в области гендерной лингвистики, охватывающие различные типы дискурса - *медийный* [Батарон, 2021; Зауэр, 2022; Лалетина, 2007; Малый, 2019; Рыгина, 2006; Смеоха, 2012; Тербилина, 2014], *педагогический* [Бужигеева, 2002; Каменская, 2006; Кириллова, 2005; Пшеничникова, 2009; Черных, 2012; Штылева, 2008], *политический* [Джорджкиа, 2013; Дудецкая, 2009; Куницына, 2011; Мукашева, 2018; Полякова, 2007; Талина, 2003], *художественный* [Адильгиреева, 2019; Ермакова, 2018; Леонович, 2021; Смирнова, 2009; Старостина, 2024; Четверикова, 2019], – имеют ярко выраженный междисциплинарный характер. Эти исследования не только анализируют влияние гендерно-обусловленных стереотипов и норм поведения на языковую практику, но и изучают роль языка как инструмента конструирования, воспроизводства или деконструкции гендерных норм в различных типах дискурса.

Примечательно, что юридический дискурс представляет собой наименее изученную область гендерных исследований, несмотря на мощный потенциал в закреплении гендерных норм, где формализованный язык права участвует в легитимации гендерных стереотипов и ролей.

Таким образом, особую научную значимость исследованию придает существующий дефицит методологического аппарата, обеспечивающего комплексный анализ гендерной специфики юридического дискурса. В этой связи проведение системного лингвистического исследования механизмов конструирования гендерной идентичности в англоязычном юридическом дискурсе является актуальной научной задачей, требующей применения междисциплинарных методов. Теоретическое осмысление феномена гендера демонстрирует необходимость применения комплексного подхода, который учитывает исторические, культурные, социальные и языковые аспекты. Такой подход создает надежную основу для последующего эмпирического изучения особенностей гендерных репрезентаций в языке и коммуникации, а также способствует выявлению механизмов их формирования и трансформации в современном социокультурном контексте.

Вторая глава «Теоретико-методологические предпосылки исследования англоязычного юридического дискурса в современной лингвистике» посвящена многоаспектному анализу юридического дискурса как объекта лингвистического исследования, выявляются и описываются его системообразующие характеристики.

Юридический дискурс, ввиду своей междисциплинарной направленности, характеризуется многообразием дефиниций и трактовок, представленных в трудах ведущих российских и зарубежных ученых, что выявляет ряд дискуссионных моментов, обусловленных его сложной, многогранной природой.

Сравнительный анализ подходов демонстрирует, что англоязычный юридический дискурс обладает рядом специфических черт, обусловленных системой общего права (common law). В отличие от романо-германской правовой традиции, где доминирует систематизированное законодательство, англоязычный юридический дискурс характеризуется принципом прецедентности, где судебные решения становятся источниками права, высокой степенью формализации и специализированным юридическим языком, а также строгой жанрово-стилевой дифференциацией между профессиональной и публичной коммуникацией.

Различные аспекты исследования юридического дискурса находят отражение в трудах как отечественных специалистов [Баламакова, 2010; Борисова, 2016; Голованова, 2013; Губаева, 2004; Кожемякин, 2011; Колесникова, 2007; Коновалова, 2008; Крапивкина, 2011; Кубиц, 2005; Палашевская, 2010; Попова, 2005; Ускова, 2008; Шлепнев, 2018], так и зарубежных [Фуко, 1996; Ainsworth, 2017; Bornstein, 2011; Gibbons, 2005; Tiersma, 2020; Wodak, 2014], при этом, анализ судебных речей представляет собой одну из наиболее актуальных областей исследования.

Анализируя классификации юридического дискурса отечественных ученых: А.В. Богатырёва (законодательный дискурс, судебный дискурс, дискурс права), Н.Ф. Ковкель (научный дискурс, образовательный дискурс, правоприменительный дискурс, правореализационный дискурс, правотворческий дискурс), О.А. Крапивкиной (законодательный дискурс, приватный дискурс, судебный дискурс), И.В. Палашевской (дискурс адвокатуры, дискурс надзора и контроля, законодательный дискурс, нотариальный дискурс, пенитенциарный дискурс, полицейский дискурс, следственно-дознательный дискурс, юрисдикционный дискурс), Т.В. Усковой (дискурс юридических документов, дискурс юридической консультации, судебный дискурс), М.Н. Федуловой (административный дискурс, законодательный дискурс, судебный дискурс), Д.Н. Шлепнёва (административный дискурс, доктринальный дискурс, законодательный дискурс, индивидуальный дискурс, «канцелярский» дискурс,

корпоративный дискурс, правореализационный дискурс, процессуальный дискурс), логичным видится вывод о центральной роли законодательного и судебного дискурсов в правовой коммуникации, а также о многогранности юридического дискурса, который может рассматриваться как инструмент регулирования общественных отношений, средство коммуникации, форма социальной практики и основа правовой культуры. Однако в контексте англоязычного юридического дискурса судебный дискурс приобретает особое значение, поскольку именно через судебные решения формируется правовая доктрина и создаются новые правовые нормы, реализуемые в дальнейшем в процессе англо-саксонского судопроизводства.

Подчеркнем, что несмотря на то, что основное внимание в рамках данного исследования сосредоточено на гендерных различиях, проявляющихся в процессе судебных заседаний США и Австралии, в работе анализируется англоязычный юридический дискурс в целом, а не только судебный дискурс как его индивидуальный субдискурс. Мы считаем, что присутствие гендерных стереотипов и различий в контекстах англоязычной правовой коммуникации на разных уровнях юридического дискурса, включая судебный, является значимым фактором развития современной юриспруденции в условиях динамично меняющегося общества. Профессиональная коммуникация на английском языке в рамках юридического дискурса, несмотря на формальный стиль и регламентацию, содержит черты гендерной маркированности, отражающей исторические и социальные предубеждения, где лингвистические и дискурсивные техники используются для поддержания либо трансформации традиционных гендерных ролей [Волгина, 2006; Хижняк, 2008]. В частности, в судебной практике сохраняется дисбаланс в представленности мужчин и женщин, что отражается и на языковых стратегиях общения между участниками судебных процессов [Иванова, 2015].

Англоязычны юридический дискурс как специализированный тип общения юристов в рамках профессионально-ориентированной коммуникации направлен на формулирование, легитимизацию и контроль общественных отношений и характеризуется определенным набором целей, участников и жанров, обусловленных институциональной природой юридической сферы.

В рамках анализируемого дискурса его системообразующими характеристиками являются следующие (см. таблицу 1):

Таблица 1

Системообразующие признаки	Описание
Хронотоп	стенограммы устных судебных слушаний Верховного суда Австралии и Верховного суда США за период с 2012 по 2024 гг.
Участники	специалисты, обладающие статусно-ролевыми ролями (коммуникативная диада «специалист»-«специалист»): - адвокаты-истца; - адвокаты-ответчика; - судьи; - консультанты суда.
Стратегии	- нормотворчество; - правоприменение; - юридическое толкование.
Жанры	- публичные выступления адвокатов-истца; - публичные выступления адвокатов-ответчика; - публичные выступления судей; - публичные выступления консультантов суда.
Ценности	- верховенство права; - процессуальная справедливость; - точность и однозначность; - баланс ветвей власти; - поддержание целостности государственного устройства; - прецедентность; - профессиональная солидарность; - конфиденциальность.
Тематика	- административно-правовая сфера; - апелляционное судопроизводство; - гражданско-правовое регулирование и гражданский процесс; - деликтные обязательства; - имущественные правоотношения; - конституционно-правовое регулирование; - международно-правовое поле; - миграционное законодательство; - право банкротства; - семейно-правовые отношения; - уголовно-правовые нормы и уголовный процесс.

Наряду с указанными выше параметрами особую значимость представляют также **функции** юридического дискурса, многообразие которых обусловлено большим жанровым разнообразием данного феномена. Отметим, что наиболее часто встречающимися функциями англоязычного юридического дискурса выступают: регулятивная, перформативная, информативная, интерпретационная, прескриптивная, кумулятивная, аргументирующая, презентационная, стратегическая, кодовая. Необходимо отметить, что вариативность функций находится в непосредственной зависимости от **целей** коммуникации. Так, в приведенном ниже фрагменте судебного решения наглядно реализуются ключевые функции юридического дискурса, такие как прескриптивная, информативная и интерпретационная, которые служат для обоснования позиции автора о разделении полномочий между федеральным уровнем и штатами.

«When Congress amended the Medicare Act in 1986, it put EMTALA on a centuries' old foundation of state law. States have always been responsible for licensing doctors and setting the scope of their professional practice. Indeed, EMTALA works precisely because states regulate the practice of medicine. And nothing in EMTALA requires doctors to ignore the scope of their license and offer medical treatments that violate state law» [23-726, p. 4].

Стратегия, основанная на апелляции к историческому правовому контексту (*it put EMTALA on a centuries' old foundation of state law*) и ссылки на устоявшуюся юридическую традицию (*States have always been responsible*), направлена на активацию информативной функции, что позволяет автору продемонстрировать принципы иерархии и корреляции правовых норм. Прескриптивная функция проявляется через прямые указания на нормативные обязанности штатов (*responsible for licensing doctors and setting the scope*) и устанавливаемые ограничения (*that violate state law*), четко разграничивая сферы регулирования. Далее реализуется интерпретационная функция: фраза *nothing in EMTALA requires doctors to ignore the scope of their license* однозначно разъясняет, что федеральный закон не отменяет и не противоречит законодательству штатов, а, напротив, базируется на нем. Этот аргумент, вводный сигнал *Indeed* и утверждение *EMTALA works precisely because states regulate*, служат реализации аргументативной функции, направленной на убеждение читателя в логичности и обоснованности данной правовой модели. Несомненно, работает и кодовая функция дискурса, достигаемая за счет использования точных юридических терминов (*EMTALA, Medicare Act, state law, licensing, scope of their professional practice*), которые обеспечивают точность и однозначность понимания текста в профессиональной среде.

Таким образом, через комплексное использование аргументации, отсылок к историческому контексту и точной юридической

терминологии автор не только информирует о структуре законодательства, но и интерпретирует его, обосновывая свою правовую позицию о гармоничном взаимодействии федеральных и региональных норм.

Примечательным является и реализация ключевых стратегий юридического дискурса: нормотворчество, правоприменение и толкование. Обратимся к примеру:

«Finally, it is clear that the decision below will be unworkable. The Ninth Circuit purported to apply the same test as the Third Circuit, and yet those two circuits split on nearly identical facts in Cevdet and the decision below. And adopting the Ninth Circuit's approach will only generate more ... splits, ... This is not what RJR Nabisco intended. The Court should reverse the decision below» [22-381, p. 6].

Так, стратегия нормотворчества актуализируется через прямой призыв к высшей судебной инстанции создать или уточнить правовую норму, которая устранил противоречия в практике апелляционных судов (*The Court should reverse the decision below*). Целью является обеспечение единообразия правоприменения.

Стратегия правоприменения проявляется в сравнительном анализе решений Девятого и Третьего окружных апелляционных судов. Автор демонстрирует, как применение одной правовой доктрины к схожим фактическим обстоятельствам (*nearly identical facts*) привело к противоречивым результатам (*split*), что порождает правовую неопределенность и свидетельствует о неработоспособности (*unworkable*) сложившегося подхода.

Стратегия юридического толкования реализуется через апелляцию к первоначальным намерениям правотворца - Верховного суда в деле RJR Nabisco. Утверждение *This is not what RJR Nabisco intended* представляет собой интерпретацию автором смысла прецедентной нормы, которая используется как аргумент неверного применения в рамках указанного суда и, следовательно, обоснованием необходимости ее пересмотра.

Среди ключевых особенностей юридического дискурса наблюдается **прецедентность**, напрямую вытекающая из самой природы общего / англосаксонского права (*common law*), где новые судебные решения становятся источниками права наряду с уже существующими законами, следовательно, прецедентные тексты выступают материальным носителем и легитимирующим основанием конкретного судебного процесса. Проиллюстрируем работу с прецедентом на примере цитаты из судебного документа:

«Abbasi and Hernandez say courts must pause if the judiciary isn't well suited to assess the systemic costs and benefits of a new damages action. But courts are never equipped for such predictive empirical judgments. Abbasi and Hernandez also rule out Bivens extensions if Congress has extensively

legislated in an area. But Congress has extensively legislated about federal officer liability without allowing individual damages actions. Third, at the very least, this Court should not expand Bivens to First Amendment retaliation claims or to Fourth Amendment claims involving border security. Those claims raise yet further grounds for pause and would explode the universe of Bivens claims» [21-147, p. 4].

В данном фрагменте фиксируем построение иерархической аргументации, основанной на последовательности прецедентов Bivens → Abbasi → Hernandez. Автор не просто ссылается на более ранние решения судебных разбирательств, но выстраивает логику их развития: от признания конституционного иска в деле Bivens к его последовательному ограничению в делах Abbasi и Hernandez.

Упоминание этих прецедентов выполняет несколько дискурсивных функций:

1. Аргументативная: ссылка на Abbasi и Hernandez служит обоснованию тезиса о недопустимости расширения категорий дел, подпадающих под Bivens-иски (в частности, о возмещении ущерба федеральными служащими).

2. Интерпретационная: автор интерпретирует решения по данным делам как устанавливающие строгие ограничительные принципы («courts must pause», «rule out Bivens extensions»), которые должны быть применены и в текущем случае.

3. Легитимирующая: апелляция к авторитету Верховного суда, вынесшего данные прецеденты, призвана придать вес и убедительность позиции автора.

Таким образом, работа с прецедентными именами в англоязычном юридическом дискурсе - это не просто цитирование, а построение юридической доктрины, демонстрирующей эволюцию подхода высшей судебной инстанции от признания к сужению подобных исков.

Подводя итог, подчеркнем, что англоязычный юридический дискурс представляет собой сложную макросистему с жесткой институциональной спецификой, но адаптирующуюся к современным вызовам цифровизации и мультикультурализма. Жесткая регламентация коммуникаций, фиксированный хронотоп, статусно-ролевой характер взаимодействий, функциональные характеристики, цели, ценности, а также стратегические возможности правоприменения, юридического толкования и создания прецедентов делают данный тип институционального дискурса одним из ключевых для анализа гендерного фактора в англоязычной коммуникации.

В **третьей главе** «Языковая специфика передачи гендерной идентичности» представлены результаты эмпирического анализа фактического материала. Глава структурирована вокруг трех уровней анализа: лексического, синтаксического и риторического, что позволяет выявить и описать гендерно-обусловленные стратегии речевого

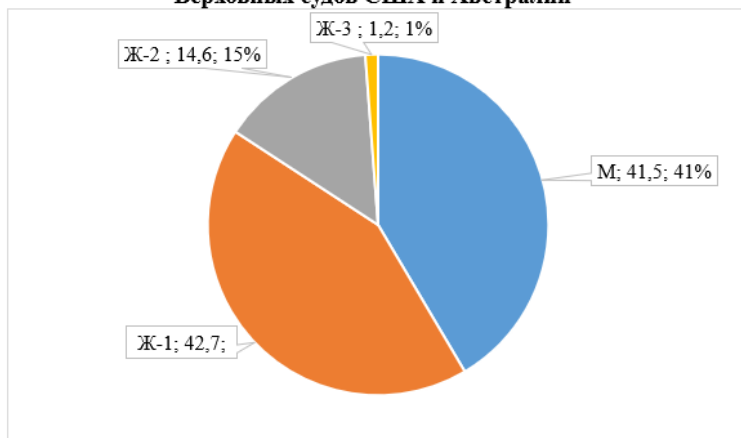
поведения в профессиональной юридической коммуникации на английском языке.

Проведенный количественный анализ выявил значительный гендерный дисбаланс среди участников судебных прений.

Так, лишь 30% всех выступлений были сделаны женщинами-адвокатами. При этом надо отметить, что ни в одном из проанализированных дел женщина не занимала позиции судьи. Отдельного внимания заслуживает ограниченность ситуаций, в которых стороны спора были бы представлены исключительно женщинами. Подавляющее большинство таких случаев были обнаружены в транскриптах дел Верховного суда Австралии, в то время как в американской практике отмечено всего три подобных дела. (см. Диаграмму 1).

Диаграмма 1

Гендерное соотношение участников судебного процесса в материалах Верховных судов США и Австралии

Сокращения, использованные в Диаграмме :

М – все участники судебного процесса мужчины;

Ж-1 – женщина выполняет одну роль в ходе судебного слушания (адвокат истца / адвокат ответчика / консультант суда);

Ж-2 – женщина выполняет две роли в ходе судебного слушания (адвокат истца+адвокат ответчика / адвокат истца+консультант суда / адвокат ответчика+консультант суда);

Ж-3 – женщины выступают в трех ролях – адвоката истца, адвоката ответчика и консультанта суда.

Таким образом, уже на этапе отбора эмпирического материала исследования наблюдается четко выраженная гендерная асимметрия, где женщины-юристы недостаточно представлены на ключевых юридических позициях, а их участие в судебных процессах более ограничено по сравнению с мужчинами-юристами. Данный фактор свидетельствует о присутствии традиционной гендерной иерархии даже в строго регламентированной правовой сфере, что оказывает непосредственное влияние на динамику коммуникации в рамках юридического процесса.

Сравнительный лексический анализ выявил существенные различия в использовании общеупотребительной и специальной (терминов и квазитерминов) лексики. Как показали результаты, речь мужчин-юристов характеризуется более высокой терминологической плотностью (10.1% против 8.2% у женщин), что свидетельствует об их ориентации на демонстрацию профессионального авторитета и владения юридическим дискурсом [Лату, 2017].

Мужчины чаще используют глаголы, семантически связанные с авторитетом, контролем и юридическими полномочиями (to allege, to supervise), прилагательные, обозначающие юридические ограничения (statutory, prejudicial), а также квази-термины с усиленной правовой семантикой (to eliminate, unrestricted) что отражает авторитарный результативно-ориентированный подход, направленный на достижение конкретного правового результата.

В речи женщин-юристов преобладает лексика, связанная с судебно-процедурными аспектами и защитой прав (to litigate, to concede), а также прилагательные, уточняющие процессуальные нюансами (non – adversarial, plenary) и квази-термины (to decline, universal), что, в свою очередь, указывает на процессуально-ориентированный подход и стремление к строгому соблюдению формальностей. Женщины активнее используют дискурсивные маркеры (first, second, third) для структурирования речи, что придает ясность и логическую последовательность аргументации.

Примечательным при этом является использование эмоционально окрашенной лексики. Несмотря на большую природную склонность женщин к эмпатии [Lenta.ru, Доказано преимущество женщин в когнитивной эмпатии. <https://lenta.ru/news/2022/12/27/empatia/>], их речь в юридическом контексте оказывается эмоционально нейтральной, что объясняется необходимостью соответствия профессиональным стандартам и осторожностью по отношению к предвзятости. Однако маркеры эмпатии проявляются в сочетаниях с прилагательными и наречиями (*wholly biased, reasonably fair, absolutely fine*), тогда как мужчины используют более прагматичные и процессуально обусловленные конструкции (*a discretionary policy, a meaningful opportunity*).

Кроме того, анализ показал различия в использовании однородных членов предложения, вводных слов, обособленных оборотов и дискурсивных маркеров. Так, мужчины юристы чаще применяют однородные члены для выражения градации и усиления аргументов, тогда как женщины преимущественно используют их для конкретизации и уточнения правовых позиций. В речи мужчин доминирует формальный стиль изложения, подчёркивающий логическую строгость, в то время как женщины активнее применяют субъективно-оценочные вводные конструкции, выражающие мнение и сомнения, что придаёт их выступлениям бóльшую эмоциональную окраску и индивидуальность.

«*The conduct is **altering, destroying, mutilating, or concealing a document, record, or other object***» [23-5572, p. 18].

В приведенном выше примере однородные глагольные сказуемые, выраженные глаголами *alter, destroy, mutilate, conceal*, указывают на разные виды физического воздействия, которые можно предпринять по отношению к документу, записи и другому объекту. Сначала используется глагол, выражающий «внесение изменений», который характеризуется нейтральной коннотацией. За ним следует глагол с негативной коннотацией, означающий «уничтожить», т.е. наблюдается усиление воздействия на объект. Два последующих глагола, *mutilate* и *conceal* выражают не столько физическое воздействие, оказываемое на документ, сколько негативное действие, направленное на информацию, содержащуюся в нем - она может быть искажена или вовсе сокрыта, что также выражает нарастание негативного воздействия.

При анализе специфики употребления однородных членов в речи женщин-юристов, обращают на себя внимание несколько особенностей, а именно: в речи женщин-юристов цепочки однородных членов призваны способствовать конкретизации описываемых явлений:

«... *its elements, substantial step and specific intent, necessarily entail the **use, attempted use, or at least threatened use** of force that is required by the law of attempt, and it is borne out by the universe of real cases*» [20-1459, p. 4].

Анализируемый пример демонстрирует синтаксическую конструкцию, в которой за существительным *use* следует его семантическое уточнение, раскрывающееся в вариантах *attempted use* и *threatened use*. Использование данного приема позволяет женщине-юристу более точно поставить вопрос перед судом - касательно какого именно из упомянутых действий суд будет выносить свое решение.

В рамках исследования также был проведен количественный и качественный синтаксический анализ речевых паттернов в судебных слушаниях. Синтаксический анализ включал статистическую и качественную оценку 12 дел (по 4 на каждую процессуальную роль). Для оценки длины предложений, залога, использования однородных

членов, вводных конструкций и инверсии использовался инструментарий онлайн-ресурса Readability Formulas.

Результаты показали, что мужчины-юристы чаще используют длинные предложения (53% против 45% у женщин), сложноподчиненные конструкции с многоуровневой структурой, что отражает их стремление к демонстрации логического превосходства и авторитета. Женщины предпочитают короткие и средние предложения, что способствует ясности и доступности восприятия.

Юристы обоих гендеров активно используют действительный залог (92% случаев), что усиливает динамичность и убедительность речи. Страдательный залог встречается достаточно эпизодически (8,7%), что противоречит традиционным представлениям о юридическом дискурсе как имперсональном.

Качественный анализ выявил различия в использовании однородных членов: мужчины применяют их для градации и усиления аргументов (*alter, destroy, mutilate, conceal*), женщины - для конкретизации и уточнения (*use, attempted use, threatened use*). Также женщины чаще используют дискурсивные маркеры, выражающие личную оценку (*I think, obviously*), в то время как мужчины придерживаются формального стиля (*in fact, therefore*).

Инверсия и эмпза встречаются у представителей обоих гендеров, однако с разной частотой. Так, мужчины-юристы чаще используют эмпзатические утверждения. Обратимся к примерам:

*«Even if a party **did file** a suit in the hopes of anchoring federal jurisdiction»* [22-1218, p. 5];

*«Congress **does have** broad authority under the Spending Clause»* [23-726, p. 100].

При этом у женщин-юристов наблюдается более активное употребление инверсии в условных предложениях/ Рассмотрим примеры:

*«On our view, **had the redemption been done** at fair market value, which it was not, **had the redemption been done** at fair market value, it would be 1.53 million»* [23-146, p. 44];

*«**It is** for those reasons, in our submission, **that** in the absence of the kind of factual challenge, both at trial and, **had it been** available jurisdictionally on appeal ...»* [20-1143, p. 39].

В ходе исследования были выявлены существенные риторические особенности проявления гендерной идентичности в речи юристов, которые были зафиксированы на уровне использования риторических вопросов и метафор.

В речи мужчин-юристов, как показал анализ, риторические вопросы часто выполняют функцию усиления логической аргументации и создания эффекта базальтернативности позиции. Мужчины активно используют тактику самозадавания вопроса с последующим

непосредственным ответом, формулируют альтернативные вопросы без ожидания ответа, а также задают вопросы, выражающие удивление или сомнение. Такие приёмы помогают усилить убеждённость аудитории в правильности и обоснованности своей позиции, формируют иллюзию диалога с судом и создают психологическое давление на оппонентов. Например, в одном из случаев мужчина-юрист задаёт вопрос и одновременно на него отвечает:

«Is one of those five factors demonstrated by a preponderance of the evidence? It doesn't -- you know, it -- it does not ...» [21-376, p. 12].

Данная стратегия демонстрирует экспрессивный и убедительный характер высказывания.

В другом примере адвокат задаёт альтернативный вопрос и сразу предлагает объяснение, не ожидая отклика:

«Well, Mr. Chief Justice, I agree that you could read "punishable by death" in either of two ways, but it doesn't answer punishable under what...» [19-108, p. 7].

В противоположность данному подходу женщины-юристы используют риторические вопросы преимущественно для выражения сомнений в позиции оппонента и привлечения внимания суда к её слабым сторонам. Формы вопросов часто выступают как вызовы или критика, при этом вопросы могут иметь утвердительную форму, ставя под сомнение целесообразность или справедливость применяемого закона или позиции противоположной стороны. Так, в одном из примеров женщина-юрист формулирует вопрос как вызов, что выражает сомнение в эффективности правоприменения:

«How can they kind of enforce the law in this type of environment?» [22 - 1025, p. 82].

В другом случае представительница женского пола ставит под сомнение логичность решения суда: *«Now, when you get it to that level of specificity that no one took, you know, the feathers from the Smithsonian, then the Fifth Circuit said naturally, well, who steals feathers from the Smithsonian?»* [22-1025, p. 72].

В ходе исследования речевого поведения юристов в рамках судебных заседаний США и Австралии также был проведён анализ использования метафор, которые в профессиональной юридической речи представляют собой мощный инструмент формирования образов и усиления аргументации. Выявлено, что гендерные различия в использовании метафор связаны с традиционными социальными ролями и когнитивными особенностями мужчин и женщин. Мужчины-юристы склонны использовать метафоры, ассоциирующие судебный процесс с борьбой, войной, соревнованиями и бизнес-переговорами. Примером такого рода является метафора «суд – это переговоры», где ситуация оценивается в бизнес-тенденциях и финансовых издержках:

«*There's also the cost of the program. That's the other side of the coin*» [20-303, p. 26];

«*And so the Court essentially blessed the possibility of territories remaining territories in an indefinite state without full participation, without a full seat at the table*» [20-303, p. 57].

Женщины-юристы, как правило, вербализуют судебный процесс через призму семейных, эмоциональных и процессуальных концептов, акцентируя внимание на заботе, обязательствах и гибкости. Их речь насыщена гастрономическими, сельскохозяйственными и семейными метафорами. Так, применяются метафоры, связывающие законодательство с браком и долгом, например:

«*Petitioner wrongly advocates for an inherently subjective test that divorces the state action inquiry from state law*» [22-611, p. 35].

Кроме того, используются выражения, подчёркивающие необратимость действий, как в метафоре *to unscramble the egg once*, подчёркивающей труднопоправимость последствий нарушения конституционных норм [19-442, p. 16]. Женщины воспринимают процесс суда как динамичное познание и развитие, используя комплексные образы роста и открытости: «*Parties refine their arguments at trial. Judges see legal issues in a new light after gaining a deeper appreciation of a case*» [22-210, p. 34].

В целом, в ходе исследования было обнаружено, что гендерная идентичность проявляется в англоязычной юридической коммуникации через разнообразие и специфику риторических средств, формируя различающиеся стили аргументации мужчин и женщин-юристов. Мужчины стремятся к созданию авторитарных, логически выверенных и убедительных речевых конструкций, в то время как женщины используют более эмоционально окрашенные, контекстуализированные и ориентированные на вовлечение способы коммуникации. Вместе с тем требования юридической профессии к ясности и убедительности речи способствуют сглаживанию крайних проявлений гендерной маркированности, обеспечивая эффективность и профессионализм коммуникации представителей обоих полов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Растущий интерес к изучению гендерной проблематики как ключевого фактора, влияющего на общественные, культурные, языковые и профессиональные процессы, обуславливает неиссякаемый интерес исследователей к анализу гендерных актуализаций в различных типах дискурса. Гендер рассматривается не столько как биологическое различие, сколько как социально- и культурно конструируемая система ролей, норм и ожиданий, которая оказывает глубокое воздействие на все сферы жизни. Необходимость преодоления гендерной асимметрии и

понимания скрытых механизмов воспроизводства стереотипов в высокоформализованных профессиональных средах, каковой является юриспруденция, делает исследование гендера в профессиональной коммуникации на английском языке особенно востребованным.

Англоязычный юридический дискурс как особый тип институциональной коммуникации представляет собой малоисследованную область гендерных лингвистических исследований. В нем язык не только передает информацию, но и формирует, закрепляет и трансформирует социальные нормы, включая гендерные роли. Юридический дискурс отличается многоаспектностью, включающей разнообразные субдискурсы: законодательный, судебный, административный и консультационный, а также четко определенными статусно-ролевыми позициями ключевых участников: судей, адвокатов и консультантов суда. Жесткая регламентация коммуникации обуславливает определенные правила для проявления гендерных особенностей внутри институциональных норм.

Результаты эмпирического анализа судебных транскриптов показали, что различия в англоязычной юридической речи, обусловленные гендерным фактором, охватывают все языковые уровни: синтаксический, лексический и риторический. Речь мужчин-юристов характеризуются более высокой терминологической плотностью, использованием авторитарных и директивных речевых стратегий, сложных синтаксических конструкций и метафор войны, бизнеса и контроля. Женщины-юристы, напротив, предпочитают более эмпатичный и процессуально ориентированный стиль, использующий доступную лексику, более простой синтаксис, а также семейные, сельскохозяйственные и гастрономические метафоры, подчеркивающие гибкость и процессуальность. Однако, несмотря на сохраняющиеся стереотипы, профессиональная среда англоязычного юридического дискурса способствует нивелированию крайних проявлений гендерной маркировки, предвзялая единые стандарты ясности, логики и убедительности.

В целом, результаты работы способствуют глубокому пониманию механизма конструирования гендерной идентичности в англоязычном юридическом дискурсе, раскрывая важные лингвистические стратегии и средства, через которые осуществляется репрезентация гендера в профессиональной юридической коммуникации на английском языке.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Научные статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях (по перечню ВАК при Минобрнауки РФ):

1. Остапенко, И. А. Метафоры в конструировании англоязычного юридического дискурса / И. А. Остапенко // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 4(55). – С. 874-878 (0,27 п.л.).

2. Остапенко, И. А. Социокогнитивная специфика англоязычной юриспруденции в гендерных координатах / И. А. Остапенко // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 2-2(58). – С. 466-469 (0,3 п.л.).

3. Остапенко, И. А. Англоязычный юридический дискурс: роль культурных и социальных факторов в развитии юридической терминологии / И. А. Остапенко // Казанская наука. – 2024. – № 12. – С. 368-371 (0,3 п.л.).

4. Остапенко, И. А. Лингвокогнитивные особенности конструирования гендера в англоязычном юридическом дискурсе / И. А. Остапенко // Казанская наука. – 2025. – № 9. – С. 368-371 (0,3 п.л.).

Публикации в других научных изданиях:

5. Остапенко, И. А. Обзор лингвистических исследований юридического дискурса / И. А. Остапенко // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2023. – № 16. – С. 198-205 (0,48 п.л.).

6. Остапенко, И. А. Влияние тенденций маскулинизации и феминизации на современный англоязычный юридический дискурс / И. А. Остапенко // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2024. – № 17-1. – С. 106-112 (0,43 п.л.).

7. Остапенко, И. А. Основные подходы к анализу юридического дискурса / И. А. Остапенко // Современная наука: инновационный взгляд молодежи: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Пятигорск, 16 апреля 2024 года. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2024. – С. 461-466 (0,34 п.л.).

8. Остапенко, И. А. Гендерные стереотипы в юридическом дискурсе / И. А. Остапенко // Университетские чтения - 2024: материалы Всероссийской конференции с международным участием, Пятигорск, 11–12 января 2024 года. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2024. – С. 132-136 (0,3 п.л.).

9. Остапенко, И. А. Речевое манипулирование в юридическом тексте (на материале английского языка) / И. А. Остапенко // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: Сборник научных трудов. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2025. – С. 235-243 (0,53 п.л.).

10. Магомедова, П. М., Остапенко И. А. Сравнительно-сопоставительный анализ гендерных стереотипов в русскоязычном и

англоязычном юридическом дискурсе / П. М. Магомедова, И. А. Остапенко // Актуальные проблемы теории языка и современные технологии лингводидактики : Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летию факультета иностранных языков ДГПУ им. Р.Гамзатова, Махачкала, 29 октября 2024 года. – Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, 2024. – С. 135-141. (0,35 п.л.).

11. Остапенко, И. А. Защитительная речь как особый жанр юридического дискурса / И. А. Остапенко // Современная наука: инновационный взгляд молодежи: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции – Пятигорск: Пятигорский государственный университет. – 2025. – С. 411-416. (0, 37 п.л.).

Подписано в печать 24.10.2025.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,7. Тираж 100 экз. Заказ 84.

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9
Отпечатано в отделе ПиИД УНР ПГУ

